

ОБЩЕСТВЕННАЯ ОПАСНОСТЬ ПОСЯГАТЕЛЬСТВА И КВАЛИФИКАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Т.И. Егорова

ФКОУ ВО «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний», г. Рязань

В статье анализируются проблемные аспекты отражения общественной опасности в конструкции составов преступлений в связи с квалификацией деяний, совершенных в местах лишения свободы. Обосновывается повышенная социальная значимость обеспечения порядка отбывания наказания и правоприменения в рассматриваемой сфере. Данное обстоятельство предопределяет необходимость установления специальных правовых конструкций обеспечения безопасности и эффективности пенитенциарного процесса. Наиболее наглядно особенности общественной опасности и квалификации преступлений, совершенных в местах лишения свободы, находят отражение в составах дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, и незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов.

Ключевые слова: общественная опасность, квалификация, состав преступления, осужденные, лишение свободы, дезорганизация, незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов.

Установление наличия в реальной действительности деяния, обладающего общественной опасностью, возможно назвать первым шагом на пути квалификации. Тогда как недостаточная общественная опасность деликта является критерием отграничения преступлений от иных правонарушений в соответствии с требованиями ч. 2 ст. 14 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ).

В качестве гипотезы возможно выдвинуть предположение о повышенной общественной опасности преступлений, совершенных в местах лишения свободы. Обоснованием данного утверждения является объективная высокая социальная значимость процесса исполнения уголовных наказаний, исключительная важность обеспечения безопасности и правопорядка в условиях принудительного объединения на длительные сроки в ограниченном изолированном пространстве большого количество однополых лиц, обладающих криминальным опытом и различно относящихся к назначенному судом наказанию.

Особый характер общественной опасности преступлений, совершенных в местах лишения свободы, определяется специфическим порядком и условиями отбывания данного вида наказания. Правоограничения, составляющие наказательную сущность изоляции, выражаются в обеспечении необходимых надзора, контроля и охраны. Совершение преступления в данных условиях дестабилизирует пенитенциарный процесс, неизбежно приводит к проявлению негативных социально-психологических явлений, характерных для неформальных субкультурных обществ, объединяющихся на почве негилистического отношения к требованиям закона и игнорирования авторитета государственной власти.

Например, именно учитывая особый характер и степень общественной опасности насилия в исправительных учреждениях, законодатель закрепил в ст. 321 УК РФ признаки посягательства, направленного на дезорганизацию деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества. Осужденные, стремящиеся к исправлению, а также оказывающие содействие администрации учреждения или органа уголовно-исполнительной системы, находятся под особой государственной защитой, как лица способствующие достижению целей эффективности государственного управления в сфере исполнения наказаний. Конечным критерием исправления осужденных при этом является их успешная ресоциализация после освобождения и законопослушное поведение [13, с. 67].

В ч. 1, 2 ст. 321 УК РФ по сравнению с положениями ст. 115, 116 УК РФ не только предусмотрены особенные потерпевшие, которые, безусловно, обладают признаками отношения к социальным группам участников уголовно-исполнительных правоотношений, но и значительно усилены санкции уголовных правовых норм. Таким образом, законодательные

положения также отражают определенное изменение содержания общественной опасности при совершении преступлений в местах лишения свободы, что, безусловно, для исправительных учреждений можно отнести к распространенному и типичному явлению, а не «редкому и исключительному» [7, с. 19].

Несмотря на то, что характер и степень общественной опасности не относится непосредственно к элементам квалификации, они находят свое отражение в признаках состава преступления, которые наделены социально значимым объективным и субъективным содержанием [5, с. 140]. В связи с этим представляется достаточно обоснованным мнение А.В. Иванчина о существовании объективной связи между признанием деяния общественно опасным и установлением уголовно-правового запрета [10, с. 24]. Тогда как общественную опасность возможно рассматривать с точки зрения социально значимого обстоятельства, а уголовную противоправность – в качестве юридического обстоятельства совершения преступления [17, с. 22].

В этой связи важным представляется реализация двух основных уголовно-правовых принципов, касающихся точности и полноты квалификации [12, с. 17 – 18; 14, с. 25 – 31]. Именно совокупность общих и особенных норм уголовного права позволяет отразить достаточную и необходимую степень общественной опасности деяния, способствующую определению минимального и максимального предела наказания. А далее уже включаются механизмы судебного усмотрения.

Теоретические основы квалификации преступлений в этой связи теснейшим образом связаны с особенностями конструкции отдельного состава преступления, а также всей совокупной квалификации и учета взаимного влияния отдельных элементов различных составов преступлений друг на друга.

Следует отметить, что проблему для квалификации представляет перечисление в диспозициях статей аналогичных по содержанию признаков преступлений, которые в правоприменительной деятельности толкуются различно. Это может приводить к выхолащиванию духа уголовно-правовых запретов, носящих всеобщий охранительный характер, и одновременному расширению судебного усмотрения [6, с. 29], «тогда как на практике определить смысл тех или иных уголовно-правовых понятий может только специалист» [9, с. 125].

Так, обращаясь к понятию осужденных, «стремящихся к исправлению», «оказывающих содействие администрации учреждения или органа уголовно-исполнительной системы», возможно заметить, что это законопослушная часть тюремного населения. К ним относятся лица, раскаявшиеся в совершении преступлений и стремящиеся к скорейшему освобождению. Данной абстрактной группе противостоит категория осужденных, негативно настроенных к процессу отбывания наказания, придерживающихся негласной тюремной субкультуры, склонных к оправданию социальных девиаций, поддержанию круговой поруки и противодействующих правоохранительным органам.

Положительно характеризующиеся осужденные позитивно относятся к применяемым в отношении них средствам исправления, соблюдают режим, участвуют в воспитательных мероприятиях и общественной работе, трудоустраиваются на производстве и получают образование в исправительном учреждении или с помощью дистанционных образовательных технологий, поддерживают социальные связи, готовятся к ресоциализации. Сопровождающие данный процесс социально-психологические явления, связанные с исправлением, приводят к «некой коррекции сознания, установлению» внутренних ограничений и позитивных установок» [11, с. 145].

В то же время 17 августа 2020 г. Верховным Судом Российской Федерации по административному исковому заявлению Генерального прокурора Российской Федерации признано экстремистским и запрещено движение «Арестантское уголовное единство» (АУЕ) [8]. Опыт его функционирования в местах лишения свободы наглядно демонстрирует внушительный пропагандистский характер, стремление подчинить себе поведение и волеизъявления тюремного населения, провоцируя массовые неповиновения и беспорядки. Несмотря на то, что осужденные, причисляющие себя к «так называемой категории “воров в законе”, а также лидеры и активные участники групп отрицательной направленности, организующие и провоцирующие групповые эксцессы» [16, с. 65]. должны состоять на

профилактическом учете, их неформальное влияние, зачастую, распространяется не только в исправительном учреждении, но и за его пределами.

Таким образом, в местах лишения свободы совместно отбывают наказания антагонистически настроенные категории осужденных. По смыслу УК РФ эти категории возможно определить с помощью термина «какая-либо социальная группа», в отношении которой совершаются преступления на почве ненависти или вражды. Данные посягательства, относящиеся к категории экстремистских, обладают в местах лишения свободы специфическим характером и повышенной степенью общественной опасности. В этом смысле публичное совершение преступлений, предусмотренных ст. 321 УК РФ, имеет смежные признаки с возбуждением ненависти либо вражды, а равно унижением человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ), так как целью таких действий в большинстве случаев является воспрепятствование консолидирующим основам пенитенциарного процесса между его участниками в направлении обеспечения эффективности уголовного наказания.

Так, приговором от 2 июля 2019 г. по делу № 1-53/2019 Новотроицкого городского суда Оренбургской области виновными в совершении преступлений, предусмотренных п. «г» ч. 2 ст. 110, ч. 1 ст. 319 УК РФ, признаны Р.Д.А. и С.И.В., отбывающие наказание в ФКУ ИК-3 УФСИН России по Оренбургской области. Судом установлено, что публичные оскорбления потерпевшего, высказывания угрозы физической расправы, надругательства и отнесение его к неформальной категории низкого иерархического статуса осужденных в местах лишения свободы, влекущее тяжкие последствия, вызвали у потерпевшего кратковременную депрессивную реакцию в рамках расстройства адаптации (по МКБ 10 F 43.2), развивавшуюся в страхе и попытке суицида. Из исследованных показаний свидетелей следует, что потерпевший встал на путь исправления, не соблюдал правил и обычаев тюремной субкультуры, являлся помощником администрации – выполнял функции помощника завхоза. Тогда как виновные Р.Д.А. и С.И.В. относились к категории отрицательно характеризующихся осужденных, придерживались воровских традиций, не сотрудничали с администрацией исправительного учреждения.

Сложность составов преступлений, совершенных в местах лишения свободы, состоит в том, что в большинстве случаев они содержат помимо основного объекта преступления также признаки факультативных или дополнительных объектов, так как неизбежно касаются интересов обеспечения порядка управления в процессе исполнения уголовного наказания, а также иных интересов и благ личности, общества и государства

Также квалификация рассматриваемой категории преступлений зачастую отягощена признаком места совершения преступления – исправительные учреждения различных видов, а также специальным потерпевшим или специальным субъектом.

В указанных обстоятельствах непереоценимое значение имеют разъяснения высшего коллегиального органа судебной власти – Пленума Верховного Суда Российской Федерации (далее – Пленум ВС РФ), которые являются источниками правил квалификации многих видов преступлений, известных российскому законодательству.

К одним из наиболее распространенных видов преступлений, совершаемых в местах лишения свободы, относится незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов. В настоящее время п. «а» ч. 2 ст. 228.1 УК РФ предусматривает квалифицирующий признак незаконных производства, сбыта или пересылки наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, отражающий повышенную общественную опасность и наказуемость данных деяний, совершенных, в частности, в исправительном учреждении.

Судебная практика, связанная с применением антинаркотического уголовного законодательства, достаточно неоднозначна и противоречива. Данное обстоятельство определяет внимание, которое проявляет Пленум ВС РФ к вопросам квалификации преступлений рассматриваемой категории. Существенную ясность в единообразное понимание характера общественной опасности рассматриваемой категории посягательств вносит Постановление Пленума ВС РФ от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» [1]. Следует отметить, что позиция Пленума ВС РФ в рассматриваемом вопросе не остается неизменной. Трижды постановлениями от 23

декабря 2010 г. № 31 [2], от 30 июня 2015 г. № 30 [3], от 16 мая 2017 г. № 17 [4] вносились изменения в рассматриваемые разъяснения, которые не только отражали динамику редактирования уголовного законодательства, но и существенно влияли на правоприменительную практику, изменяя правила квалификации преступлений. В этой связи полностью можно согласиться с К.В. Ображиевым, что в современных условиях постановления Пленума ВС РФ приобретают не только интерпретационное, но и нормативное значение, устраняя пробелы и противоречия в УК РФ, конкретизируя нормативные предписания, наполняя их уголовно-правовым содержанием [15, с. 182]. Особенности трудности при квалификации возникают в процессе правовой оценки незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, совершенного в местах лишения свободы, должностным лицом.

Так, приговором от 27 января 2020 г. по делу № 1-1/2020 Себежского районного суда Псковской области виновным в преступлениях, предусмотренных 3 ст. 290 УК РФ, ч. 1 ст. 285 УК РФ, ч. 3 ст. 30, ч. 3 ст. 290 УК РФ, ч. 5 ст. 33, ч. 3 ст. 30, ч. 2 ст. 228 УК РФ, признан К.Е.А. Суд расценил как злоупотребление должностными полномочиями действия младшего инспектора группы надзора отдела безопасности исправительной колонии УФСИН России по Псковской области, которые выразились в проносе по предварительной договоренности с осужденным, отбывающим наказание в виде лишения свободы, на режимную территорию учреждения наркотических средств (гашиш общей массой 64,2 грамма) за незаконное денежное вознаграждение в виде взятки в размере 20 000 рублей.

В данном случае суд допустил очевидную ошибку при квалификации, расценив действия должностного лица, совершившего пронос наркотических средств, не входящий в пределы его полномочий, как злоупотребление по ч.1 ст. 285 УК РФ.

Из проанализированных случаев очевидно, что квалификация деяния как преступления должна подтверждаться в дальнейшем достаточными доказательствами совершения лицом общественно опасного, запрещенного уголовным законом деяния, предусмотренного конкретной уголовно-правовой нормой Особенной части УК РФ. Сложности квалификации или недостаточно обоснованная квалификация преступлений, совершенных в местах лишения свободы, определяются, по крайней мере, двумя обстоятельствами. Во-первых, сложным составом рассматриваемых посягательств, содержащих ряд дополнительных, факультативных и альтернативных действий, закрепленных в имплицитном виде в ряде смежных уголовно-правовых норм. Во-вторых, наличием совокупности преступлений, признаки которых пересекаются, дополняя заведомо умышленный характер совершенных лицом деяний. Подобные особенности отражают специфику общественной опасности преступлений рассматриваемой категории, которая находит свое отражение в отдельных нормативных предписаниях, а также квалифицирующих признаках преступлений, совершенных в местах лишения свободы.

Список литературы

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2006. № 8.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 декабря 2010 г. № 31 «Об изменении и дополнении некоторых Постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 2.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2015 г. № 30 «О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2006 года № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 9. 2015.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 мая 2017 г. № 17 «О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 7.
5. Воднева М.А. Общественная опасность деяния как материальное основание криминализации: понятие и содержание // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2018. № 3. С. 134 – 142.

6. Голенко Д.В. К вопросу о диспозициях статей особенной части уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2020. № 3 (63). С. 29 – 34.
7. Голик Ю.В., Коробеев А.И. Зигзаги уголовно-правовой политики России: из огня да в полымя // Общество и право. 2017. № 3 (61). С. 17 – 21.
8. Егоров И. Тюремные игры. Верховный суд признал АУЕ экстремистской организацией // РГ. 2020. 18 авг.
9. Егорова Т.И. Законодательные возможности уяснения аналогии в содержании незаконного оборота наркотиков // Журнал российского права. 2017. № 7 (247). С. 125 – 126.
10. Иванчин А. В. Концептуальные основы конструирования состава преступления: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2015. 462 с.
11. Копылов В.В. Проблемы теоретико-методологического обоснования современной уголовной политики Российской Федерации // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2014. № 3. С. 141 – 148.
12. Корнеева А. В. Теоретические основы квалификации преступлений: учеб. пособие. М.: Проспект, 2006. 159 с.
13. Куликова О.Н. Стимулирование правопослушного поведения осужденных как принцип российского права // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2020. № 1 (61). С. 63 – 70.
14. Марчук В.В. Методологические основы квалификации преступления. М.: Юрлитинформ, 2016. 438 с.
15. Ображиев К.В. Система формальных юридических источников российского уголовного права: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. 587 с.
16. Хохрин С.А. Некоторые аспекты латентной характеристики пенитенциарной преступности // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2017. № 3. С. 61 – 74.
17. Яцеленко Б.В. Реализация принципов законности и вины при квалификации преступлений с бланкетными признаками состава // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2016. № 4 (54). С. 19 – 26.

Об авторе:

ЕГОРОВА Татьяна Игоревна – кандидат юридических наук; докторант ФКОУ ВО «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний» (Россия, г. Рязань, ул. Сенная, 1); ORCID: 416558, SPIN-код: 9919-0667; e-mail: madamti62@yandex.ru

PUBLIC DANGER OF ENCROACHMENT AND QUALIFICATION OF CRIMES COMMITTED IN PLACES OF DEPRIVATION OF LIBERTY

T.I. Egorova

FCO IN «Academy of law and management of the Federal penitentiary service», Ryazan

The article analyzes the problematic aspects of the reflection of public danger in the construction of crimes in connection with the qualification of acts committed in places of deprivation of liberty. The article substantiates the increased social significance of ensuring the order of serving sentences and law enforcement in this area. This circumstance determines the need to establish special legal structures to ensure the safety and effectiveness of the penitentiary process. Most clearly, the features of public danger and the qualification of crimes committed in places of deprivation of liberty are reflected in the elements of disorganization of the activities of institutions that provide isolation from society, and illegal trafficking in narcotic drugs, psychotropic substances and their analogues.

Keywords: *public danger, qualification, crime composition, convicted persons, deprivation of liberty, disorganization, illegal trafficking of narcotic drugs, psychotropic substances and their analogues.*

About author:

EGOROVA Tatyana – PhD in law; doctoral student FCO IN «Academy of law and management of the Federal penitentiary service» (Russia, Ryazan, Sennaya str., 1); ORCID: 416558; SPIN code: 9919-0667; e-mail: madamti62@yandex.ru

Егорова Т.И. Общественная опасность посягательства и квалификация преступлений, совершенных в местах лишения свободы // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2021. № 1 (65). С. 45 – 52.